

ОБРАЗ МАМЛЮКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В ТРАКТАТАХ КАТОЛИЧЕСКИХ МИССИОНЕРОВ И ТЕОРЕТИКОВ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКОВ

Хаутала Р.В., PhD (история)

С точки зрения латинских авторов монгольская экспансия XIII в. привела к резким геополитическим изменениям на Ближнем Востоке. В первую очередь эти изменения сказались на отношениях латинян в Палестине с соседствовавшими мусульманами. Уже в 1250 г. к власти в Египте пришли мамлюки. Но только после победы над монголами при Айн-Джалуте в сентябре 1260 г. их уверенность в собственной силе возросла настолько, чтобы начать постепенное уничтожение владений франков и армян на Ближнем Востоке. Фиденций из Падуи, викарий францисканцев в Палестине, писал в своем трактате под названием «Об отвоевании Святой Земли», что: «в краях Востока не осталось сарацин, сопротивляющихся тартарам, кроме только сарацин в Египте, чей султан властвует и в царстве Дамаска, вплоть до реки Евфрат, отделяющей владения тартар от домена султана Египта¹. В свою очередь доминиканец Гийом Трипольский передавал в своем «Трактате о состоянии сарацин» следующую самооценку мамлюкского султана Бейбарса: «Он провозглашает, что Магомет делал великие дела, но сам часто хвалится, что он сделал и сделает большее. Силу же нашу, как и во-

инство он высмеивает и презирает, говоря: “Против нас приходили короли Франции, Англии и Германии, как и Римский император: они рассеялись как облака, разогнанные ветром. Пусть, пусть придет король Карл, пусть придут греки, вместе с ним и тартарин: мы завладеем их имуществом и прославимся в сражениях победителями”².

Латинские авторы выказывали закономерный интерес по отношению к административным реформам Бейбарса, способствовавшим усилению его власти. Тот же Гийом Трипольский писал в отдельной главе под названием «О пресупевании султана»: «Султан же этот, можно сказать, не уступает в военном деле Юлию Цезарю, а в своих злодеяниях – Нерону»; и продолжал далее: «И дабы из рода арабов не появился никто, кто мог бы назваться царем или султаном, он, как Ирод, уничтожил все царское потомство Саладина, оставившего после своей смерти 14 царственный сыновей»³. Очевидно, что здесь доминиканский автор указывал на процесс отстранения от власти аюбидских принцев и их мамлюков.

К моменту начала полномасштабной кампании против франков Палестины в 1265 г., все более или

менее значительные должности в султанате находились в руках мамлюков Бейбарса. Централизация власти султана имела следствием и очевидное усиление его армии, превосходившей по мощи разобщенные силы латинян. В частности, Фиденций из Падуи тщетно подчеркивал необходимость объединения сил христиан перед новой угрозой и указывал на тот факт, что король Иерусалимского королевства не мог добиться подчинения в своем домене противоборствовавших сил венецианцев, генуэзцев, пизанцев, тамплиеров, госпитальеров и тевтонцев. Фиденций приводил красноречивую цитату из третьей Книги Царств: «я вижу всех Израильтян, рассеянных по горам, как овец, у которых нет пастыря»; и передавал далее следующие слова Бейбарса (по всей видимости, услышанные францисканским викарием во время личного общения с султаном): «Вот в чем разница между мною и вами. Я подобен змее с одной головой и множеством хвостов. И голова эта, поскольку она одна, тащит за собой эти хвосты по собственной прихоти и желанию. Вы же, христиане, подобны змее с несколькими головами, имеющими разные устремления. И один хвост не может следовать желаниям всех голов; как и вы, христиане, обитающие в Святой Земле, поскольку среди вас есть много властителей, имеющих разные желанья и устремления. И поэтому вы не можете добиться исполнения ваших начинаний»⁴.

Таким образом, палестинские

франки уступали в силе мамлюкам, и им оставалось уповать на помощь с Запада или более вероятное вторжение монголов в Сирию. В свою очередь ильханы Персии продолжали вынашивать планы повторной оккупации Сирии вплоть до правления Абу Саида. Однако осуществление этих проектов затруднялось существенным фактором, на который указывал Гетум из Корикоса. В своем проекте крестового похода армянский автор сообщал следующее: «Кроме того, султан Египта поступил чрезвычайно мудро, послав по морю своих послов к тартарам царств Кумании и Руси и заключив с ними договор о том, что, когда бы Абага не захотел начать войну против султана, всякий раз те тартары вторгались бы в его землю для того, чтобы помешать ему нападать на землю султана. Взамен султан обещал нападать на землю Абаги всякий раз, когда он задумал бы напасть на тех тартар или их земли. И благодаря этому договору и пакту, заключенному с теми тартарами, султан смог без всяких препятствий нападать на христиан и с большей легкостью захватывать их земли и крепости»⁵.

Склонный к чрезмерным упрощениям, Гетум несколько искажал реальные события: военный союз между улусом Джучи и Египтом вступил в силу еще при жизни отца Абаги, ильхана Хулагу. Важнее, однако, что Гетум не скрывал своего восхищения в отношении достижений Бейбарса в его внешней политике: мамлюки добились сближения с крайне сильным военным

союзником несмотря на то, что на деле они не пытались выполнить своих обязательств по договору. Но несмотря на отказ мамлюков от нападений на территорию Ильханата, их договор оставался в силе и в первой половине XIV столетия. В своем «Трактате о том, как победить сарацин» доминиканец Гийом де Адам констатировал наличие схожих пактов между ханом Узбеком и султаном ан-Насиром: «Этот же император тартар севера связан множеством договоров с султаном Каира. И поэтому они оба находятся между собой в настолько дружественных отношениях, что всеми силами помогают друг другу в защите от третьей стороны. Ибо император тартар Персии владеет землей между султаном и императором тартар севера и находится в постоянной и смертельной вражде с обоими, поскольку он захватил у них же некоторые земли и подчинил своей империи. Поэтому один против двоих и двое против одного, они стремятся защищаться и помогать друг другу»⁶.

Кроме того, Гийом де Адам утверждал, что конкретным следствием дипломатических обменов было распространение ислама в Золотой Орде. В частности, доминиканский автор сообщал, что вместе с посольствами султана император тартар севера «также принимает в своем домене сарацинских факиров, то есть монахов, и всех других, кого он возвышает и поддерживает, и из-за которых он, в конце концов, стал вместе с многими другими тартарами наихудшим

сарацином и врагом и преследователем христиан»⁷.

В свою очередь венецианец Марино Санудо Торселло советовал папе Иоанну XXII прервать морское сообщение между Египтом и Крымом и указывал понтифику на все те серьезные последствия, которые могла повлечь за собой исламизация татар: «Поскольку посредством этих посольств, даров, драгоценностей и договоров упомянутый султан преобразил и привлек на свою сторону императора тартар по имени Узбек, владителя Газарии и других северных краев; так, чтобы тот мог получить слово коварного Магомета. Также и другие его подданные склонны к тому же вероломству. Что представляет чрезвычайный и весомый повод для беспокойства и страха, поскольку, если это будет продолжаться, то эта коварная секта продолжит расти в тех северных краях. И это может стать чрезвычайной угрозой и великой опасностью для христианской веры, так как лицами, внушающими доверие, утверждается, что у упомянутого Узбека есть бесчисленное количество всадников»⁸.

Вовлеченные в длительный конфликт с Золотой Ордой, как и с Чагатайским улусом, ильханы Персии должны были отложить вторжение в Сирию. Время от времени у ильханов появлялась возможность напасть на мамлюков, но они могли послать против них только ограниченные силы. Вследствие этого, так же, как и египетские султаны, ильханы нуждались в военных со-

юзниках. Неудивительно поэтому, что в противовес дружественному договору между Каиром и Сараем, ильханы Персии заключили военный союз с католической Европой. Уже в 1262 г. ильхан Хулагу планировал нападение на мамлюков и был уверен в их неминуемом поражении на суше. Однако Хулагу почитал уместным заручиться поддержкой короля Франции Людовика IX и писал ему в этом же году: «поскольку, сокрушенные на суше, они смогут найти прибежище на море согласно нашему допущению, мы радеем о побуждении вашего могущества, чтобы вы, господствующие на противоположном морском берегу, со своевременной осмотрительностью позаботились бы воспрепятствовать военными судами найти убежище в прилегающем море вышеназванным неверным собакам, вашим и нашим врагам в равной степени, чтобы они не смогли бы вырваться из рук наших по причине отсутствия контроля над морем»⁹.

Данное послание Хулагу является интересным свидетельством тому, как модели дипломатических отношений монголов с другими народами стали меняться в связи с распадом империи Чингизхана. Ранее послания монгольских ханов неизменно включали ультимативное требование подчинения всех без исключения адресатов их посланий. В свою очередь Хулагу, нуждавшийся в помощи Европы, сделал все возможное, чтобы смягчить свои претензии на мировое владычество. Хулагу поручил составить

свое послание на латинском языке своему личному переводчику, некоему доминиканцу по имени Рикардус. На Рикардуса также была возложена задача передать стандартную преамбулу чингизидских посланий с применением библейских цитат. Письмо Хулагу началось цитатой из Послания апостола Павла к евреям – «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил» – и продолжалось далее монгольским текстом – «деду нашему, Чингисхану, посредством его родственника, Теб-Тенгри (имя, которое означает пророка божьего), чудесным образом раскрывая ему грядущие события словами Теб-Тенгри, передававшего извещение», – и снова приводило цитату, теперь уже из Книги пророка Иеремии – «Я, единственный всемогущий Бог на небесах, поставил тебя над народами и царствами, чтобы ты был властителем и правителем всего мира, чтобы искоренять и разорять, разрушать и губить, созидать и насаждать»¹⁰.

Хулагу ясно выражал свое превосходство над французским монархом, но делал это в наиболее дружественной форме: «мы, силой Менгу Тенгри (то есть живого Бога), Хулагу хан, предводитель войска монголов, яростный разоритель вероломных сарацинских народов, благосклонный возноситель христианской веры, решительный победитель врагов и непременно милосердный к друзьям, посылаем Баракмар (то есть при-

ветствие) прославленному королю Людовику, а также князьям, военачальникам, высшим сановникам, баронам, рыцарям и прочим, всем вместе и каждому по отдельности, во всем королевстве Франции»¹¹.

Если Хулагу еще настаивал на формальном подчинении европейского соvrана, то Абага и Аргун уже опускали упоминание этого требования, чтобы в еще большей степени содействовать организации военного сотрудничества против мамлюков. Соответственно, появление эластичности в монгольской дипломатии способствовало обмену многочисленных посольств между франками и Илханами. В основном эти обмены отличались подчеркнуто дружественным характером, не лишенным, однако, редких дипломатических инцидентов. В частности, в 1289 г. посольство французского короля Филиппа IV состояло из трех родовитых галльских рыцарей, которые резко отказались приветствовать илхана Аргуна коленопреклонением и, тем более, исполнить ритуал очищения послов огнем. Ответное послание илхана содержало благодарность французскому монарху за дружественное посольство. Но дополнительная приписка к этому посланию, составленная приближенным илхана, генуэзцем Бускарелло из Гизольфи, выражала определенное раздражение Аргуна. Бускарелло передавал позволе-

ние илхана освободить в дальнейшем послов французского соvrана от исполнения ритуала очищения огнем. Но Аргун настаивал на том, что европейские послы должны приветствовать илхана коленопреклонением, вне зависимости от их социального положения¹². Аргун, однако, не прервал обменов с Европой и продолжал дипломатические сношения до своей смерти. Поведение Аргуна в ходе данного инцидента представляется наиболее показательным индикатором изменений в монгольской дипломатической практике. За сорок лет до этого монгольский нойон Байджу, не нуждавшийся в помощи Запада, был готов казнить на месте папских послов, отказавшихся встать перед ним на колени. Теперь же прямой потомок Чингисхана уже должен был принимать во внимание амбиции европейских дипломатов для достижения внешнеполитических выгод.

Таким образом, несмотря на свою специфику и довольно предвзятое воззрение, латинские источники относительно реалистично отображают геополитические изменения на Ближнем Востоке, связанные со столетним правлением монголов в Персии. В частности, особый интерес представляет информация западных авторов об административных реформах мамлюков и эволюции внешней политики Илханов.

ПРИМЕЧАНИЯ

(Endnotes)

1 «nulli Sarraceni in partibus Orientis remanserunt qui resistant Tartaris, nisi solum Sarraceni qui sunt in Egypto, quorum Soldanus dominatur etiam super regnum Damascenum us-

que ad Eufratem fluvium, qui dividit dominium Tartarorum a dominio Soldani Egypti»; Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Tomo II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Firenze: Quaracchi, 1913, p. 57.

2 «Macometum magnum fecisse predicat, se vero maiora fecisse et facturum frequenter iactat, potentiam nostram atque militiam deridet et contempnit dicens: "Venit contra nos rex Francie, rex Anglie, rex Alemannie et Romanorum imperator: transierunt velut nubes ventis agitate. Veniat, veniat rex Carolus, veniat Grecus cum eo et Tartarus: opibus eorum ditabimur, in bellis gloriabimur ut victores"»; Prutz H. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. Berlin, 1883, s. 587.

3 «Hic igitur soldanus in milicia, ut liceat dicere, Juliano Cesare non videtur inferior nec in malicia Nerone minor [...] hic velud Herodes, ne de genere Arabum posset quis exurgere, qui rex diceretur seu soldanus, omne semen regium, scilicet Salahadini, qui moriens XIIIcim filios reliquit reges, exstirpavit»; Prutz H. Kulturgeschichte der Kreuzzüge. Berlin, 1883, s. 587.

4 «Hec est, inquit, differentia inter me et vos. Ego enim sum similis serpenti qui habet unum capud et multas caudas, et capud illud cum sit unum, omnes caudas trahit post se secundum sue libitum voluntatis. Ita ego sum unus dominus et omnes Saracenos traho post me, secundum quod ego eis dux ero injungendum. Vos autem Xpistiani similis estis serpenti, habenti multa capita diversos appetitus habentia, et non sufficit una cauda sequi omnium capitum voluntatem. Sic et vos Xpistiani, qui in Terra Sancta habitatis, quia inter vos multi sunt domini, qui diversa volunt et appetunt. Et ideo vos non potestis ad perfectionem in vestris negotiis pervenire»; Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Tomo II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Firenze: Quaracchi, 1913, p. 16.

5 «Preterea soldanus Egypti fecit quamdam sagacitatem magnam, quoniam nuncios suos misit per mare ad Tataros qui erant in regno Comanie et regno Russie, et fecit cum illis Tataris compositionem, videlicet quandocumque Abaga vellet guerram movere contra soldanum, quod illi Tataris invaderent terram suam, et hoc modo impedirent quod terram soldani offendere non valeret; et e converso, soldanus promisit invadere terram Abaga, quandocumque illos Tataros vel terras eorum offendere cogitaret. Et per istam compositionem et pactum quam soldanus fecit cum illis Tataris potuit, sine contradictione cuiusquam, invadere Christianos, et eorum terram et castra facilius occupare»; Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens. T. 2. Paris, 1906, p. 306.

6 «Iste igitur imperator Tartarorum aquilonis cum soldano Babilonie multo federe est coniunctus, et ex eo maxime inter hos duos amicitia est tam grandis ut fortius mutuo se contra tertium inuicem adiuvent et defendant. Imperator enim Tartarorum Persidis inter illos duos, soldanum videlicet et aquilonarem imperatorem Tartarorum, medius terram habet, et cum utroque exercet inimicitias perpetuas et mortales, et ab utriusque dominio terras aliquas usurpavit et suo imperio subiugavit. Quapropter unus contra duo, et duo contra unum, modis quibus possunt nituntur se defendere et iuuare»; William of Adam (Guillelmus Ade). How to Defeat the Saracens = Tractatus quomodo Sarraceni sunt expugnandi / Constable G., Chakravarti R., Constable O.R., Kolbaba T. (eds.). Washington, 2012, p. 46.

«Saracenos etiam facios, id est monachos, et alios quoscumque in suo dominio recipit, promouet et tuetur, per quos tandem ipsemet cum multis aliis Tartaris Sarracenus pessimus et Christianorum inimicus et persecutor est effectus»; William of Adam (Guillelmus Ade). How to Defeat the Saracens = Tractatus quomodo Sarraceni sunt expugnandi / Constable G., Chakravarti R., Constable O.R., Kolbaba T. (eds.). Washington, 2012, p. 46–48.

«Hiis enim Legationibus et muneribus, iocalibus, et tractatibus praedictus Soldanus Imperatorem Tartarorum, nomine Husbecho, qui in Gazaria, et aliis Septentrionis partibus dominatur, immutavit taliter et attraxit, vt legem receperit perfidi Mahumeti; nec non aliqui ex gente ipsius, ad eandem perfidiam inclinentur. Est autem vehementer timendum, vt si continentur talia inter eos, ne perfidia illa secta in Septentrionalibus partibus crescat continuus incrementis. Hoc enim foret in praeiudicium nimium et periculum maximum fidei Christianae. Nam a nonnullis dignis fide asseritur quod dictus Husbecho, habet equitum multitudinem adeo numerosam...»; Marino Sanudo. Liber secretorum fidelium crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione quo et Terrae Sanctae historia ab origine & eiusdem vicinarumque prouinciarum geographica descriptio continetur / Bongars J. (ed.). Hanoviae, 1611, p. 32.

7 «Saracenos etiam facarios, id est monachos, et alios quoscumque in suo dominio recipit, promouet et tuetur, per quos tandem ipsemet cum multis aliis Tartaris Sarracenus pessimus et Christianorum inimicus et persecutor est effectus»; William of Adam (Guillelmus Ade). *How to Defeat the Saracens = Tractatus quomodo Sarraceni sunt expugnandi* / Constable G., Chakravarti R., Constable O.R., Kolbaba T. (eds.). Washington, 2012, p. 46–48.

8 «Hiis enim Legationibus et muneribus, iocalibus, et tractatibus praedictus Soldanus Imperatorem Tartarorum, nomine Husbecho, qui in Gazaria, et aliis Septentrionis partibus dominatur, immutauit taliter et attraxit, vt legem receperit perfidi Mahumeti; nec non aliqui ex gente ipsius, ad eandem perfidiam inclinentur. Est autem vehementer timendum, vt si continentur talia inter eos, ne perfidia illa secta in Septentrionalibus partibus crescat continuis incrementis. Hoc enim foret in praedudicium nimium et periculum maximum fidei Christianae. Nam a nonnullis dignis fide asseritur quod dictus Husbecho, habet equitum multitudinem adeo numerosam...»; Marino Sanudo. *Liber secretorum fidelium crucis super Terram Sanctam recuperatione et conservatione quo et Terram Sanctam historia ab origine & eiusdem vicinarumque prouinciarum geographica descriptio continetur* / Bongars J. (ed.). Hanoviae, 1611, p. 32.

9 «Quia tamen per terram expugnati ad aquas marinas, prout accepimus, possunt habere refugium, potentiam uestram excitare curauimus quod uos qui ex parte opposita super ripas maris dominamini, per uestros caucionem diligentiam cum uasis armatis in mari adhibentes dictorum canum infidelium, inimicorum uestrorum pariter et nostrorum, refugium predictum curetis inpedire, ne causa defectus muniminis marini de manibus nostris ullatenus queant euadere»; Meyvaert P. *An Unknown Letter of Hulagu, Il-khan of Persia, to King Louis IX of France // Viator: Medieval and Renaissance Studies 11/1*. Berkeley, 1980, p. 259.

10 «Multifarie multisque modis olim deus loquens patribus in prophetis nouissime diebus istis locutus est auo nostro Chingischan per Temptemgri (nomen quod interpretatur propheta dei) eiusdem cognatum futuros euentus miraculose temporum reuelans eidem per dictum Teptemgri nunciando significans: “In excelsis ego sum deus omnipotens solus et te super gentes et regna constitui dominatorem et regem fieri tocius orbis, ut euellas et destruas, dissipes et disperdas, edifices et plantes”»; Meyvaert P. *An Unknown Letter of Hulagu, Il-khan of Persia, to King Louis IX of France // Viator: Medieval and Renaissance Studies 11/1*. Berkeley, 1980, p. 252.

11 «Nos igitur per uirtutem Mengutengri (id est dei uiui) Huyleu cham, dux milicie Mungalorum, perfidarum gentium Sarracenorum cupidus deuastator, christiane fidei benignus sublimator, inimicancium strenuus expugnator, amicanium utique pius amator illustri regi Francorum Ludwico nec non principibus, ducibus, comitibus, baronibus, militibus ac ceteris, uniuersis et singulis tocius regni Francie Barachmar (id est salutem)»; Meyvaert P. *An Unknown Letter of Hulagu, Il-khan of Persia, to King Louis IX of France // Viator: Medieval and Renaissance Studies 11/1*. Berkeley, 1980, p. 253.

12 Abel-Rémusat J.-P. *Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens, et particulièrement des rois de France, avec les empereurs mongols // Histoire et mémoires de l'Institut royal de France VII*. Paris, 1824, p. 428–432.

Сведения об авторе: Хаутала Роман Валерьевич – PhD (история) (Оулу, Финляндия), старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, доцент на историческом отделении гуманитарного факультета университета Оулу, e-mail: romanhautala@gmail.com.

Аннотация: С точки зрения латинских авторов монгольская экспансия на Ближнем Востоке XIII в. привела к резким геополитическим изменениям, которые в первую очередь сказались на внешнеполитических отношениях Латинского королевства Иерусалима с окружающими мусульманскими государствами. Приход к власти в Египте мамлюков и дальнейшее усиление их султаната имело следствием формирование крайне агрессивной политики султана Бейбарса по отношению к владениям франков в Палестине. Ряд синхронных латинских авторов выказывают закономерный интерес к султанату мамлюков и указывают на основные преимущества его административного управления, обусловившие его очевидное военное превосходство над разобщенными силами латинян. Параллельно христианские авторы не скрывали своего восхищения

в отношении к достижениям Бейбарса в его внешней политике: мамлюки добились сближения с Золотой Ордой, крайне сильным военным союзником в борьбе мамлюков с Ильханатом Персии. Неудивительно поэтому, что в противовес дружественному договору между Каиром и Сараем, ильханы Персии заключили военный союз с католической Европой. Таким образом, несмотря на свою специфику и довольно предвзятое воззрение, латинские источники относительно реалистично отображают геополитические изменения на Ближнем Востоке, связанные со столетним правлением монголов в Персии. В частности, особый интерес представляет информация западных авторов об административных реформах мамлюков и эволюции внешней политики Ильханов.

Ключевые слова: латинские средневековые источники, монгольская экспансия на Среднем Востоке, султанат мамлюков Египта, Золотая Орда, Ильханат Персии.

Abstract: From the point of view of Latin authors the Mongol expansion in the Middle East of the 13th century led to dramatic geopolitical changes, which primarily affected the foreign relations of the Latin kingdom of Jerusalem with the surrounding Muslim states. The Mamluks' coming to power in Egypt and further strengthening of their Sultanate had as a consequence the formation of an extremely aggressive policy of Sultan Baybars in relation to the Frankish possessions in Palestine. A number of synchronous Latin authors evince a natural interest toward the Mamluk Sultanate and indicates the main advantages of its administration that led to an obvious military superiority over the fragmented forces of the Latins. In parallel, Christian writers did not hide their admiration with regard to the achievements of Baybars in his foreign policy: the Mamluks converged with the Golden Horde, an extremely strong military ally in their fight against the Ilkhanate of Persia. It is not surprising, therefore, that in contrast to the friendly agreement between Cairo and Sarai, Ilkhans of Persia concluded a military alliance with the Catholic Europe. Thus, despite its specificity and rather biased view, the Latin sources relatively realistically reflect the geopolitical changes in the Middle East related to the centennial rule of the Mongols in Persia. In particular, the information of Western authors concerning the Mamluks' administrative reforms and evolution of the Ilkhanide foreign policy is especially important.

Key-words: medieval Latin sources, Mongol expansion in the Middle East, Mamluk Sultanate of Egypt, Golden Horde, Ilkhanate of Persia.